

лов. В письмах иноязычные вкрапления в русский текст в сочетании с другими средствами нередко создают иллюзию дружеской непринужденной беседы, интимной, ироничной, шутливой.

¹ См.: Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992. С. 350—368.

² Там же. С. 351.

³ См.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1981. С. 202.

⁴ См., например: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988.

⁵ См.: Тамашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.

⁶ См.: Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты. Л., 1978.

⁷ См., напр.: Жирмунский В. М. Пушкин и Байрон. Л., 1978.

⁸ Цит. по: Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. 2. С.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1962—1966. Здесь и далее в скобках приводятся ссылка на это издание. Первая цифра — номер тома, цифры курсивом — номера страниц.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983.

¹¹ См.: Аристова В. М. Указ. кн. С. 5.

Т.Б. Аленькина

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК» А.С. ПУШКИНА НА АНГЛИЙСКОМ

(К проблеме перевода тропов)

Англоязычные страны не вошли в число тех двенадцати стран, которые переводили Пушкина при его жизни. В частности, они отстали и от Франции, безошибочно узнавшей в Пушкине гениального писателя и начавшей переводить его произведения с середины XIX века. Именно французы первыми отметили чрезвычайную сложность перевода «алмазного языка» (Э. М. де Вогюэ) Пушкина...

Возможно, именно в этой сложности и кроется причина того, что Англия с ее высокой переводческой культурой обратилась к Пушкину лишь в 80-е годы XIX века. Из Англии в конце XIX — начале XX века Пушкин пришел к читателям Америки и Канады.

Однако в XX веке интерес англоязычных читателей и активность переводчиков явно и неустанно растут. Об этом свидетельствует, в частности, факт постоянного и настойчивого обращения к «самому крепкому орешку для переводчиков» (Ч. Джонстон) — поэме «Медный всадник»: так, только в последние 30 — 35 лет появилось шесть переводов пушкинского произведения (в начале XX века их было только два). Более того, перевод Д. М. Томаса вызвал оживленную дискуссию на страницах «New York Times Book Review» в 1982 году. Принимая похвалы и, напротив, отвечая на упреки участников дискуссии, Д. М. Томас сказал: «Я переводил Поэта... Может быть, я в этом не слишком преуспел: кто может адекватно перевести это гениальное произведение?! Но я стремился к тому, чтобы мой перевод был не прозой, а поэзией...».

Адекватность... Являясь, как известно, основным требованием к переводу, она включает в себя прагматическую, семантическую и стилистическую составляющие. Последняя — важнейшая в системе художественного перевода, так как именно здесь заключена образная специфика художественного текста, сосредоточена сила его художественной выразительности.

Нельзя не напомнить также о том, что экспрессивность — способность языка увеличивать силу воздействия на читателя за счет таких компонентов значения, как образность, эмоциональность, интенсивность, оценочность. Цель данной статьи — определение степени адекватности в наиболее сложной для переводчиков области экспрессивных единиц текста поэмы А. Пушкина «Медный всадник» на материале переводов Э. Тернера (1899), О. Элтона (1937), Ю. Кайдена (1971), У. Арндта (1972), Ч. Джонстона (1981), Д. М. Томаса (1982).

Единицей анализа служит отдельное образное средство текста — троп.

Начнем со сравнения, характерного для Пушкина и любимого им.

Нева... Этот живой и пластичный образ создается Пушкиным путем многочисленных и разнообразных сравнений — с мечущимся в постели больным, с грабителем-злодеем, с уставшим в битве конем...

Присмотримся, однако, к сравнению, выразительному в своем лаконизме и внешней простоте:

... Нева вздувалась и ревела,
Котлом кипяча и клубясь,
И вдруг, как зверь, остервенясь,
На город кинулась!

Большинство переводчиков передали это сравнение описательно: *a maddened beast* («сумасшедший зверь») у О. Элтона и Ч. Джонстона, *a frenzied beast* («обезумевший зверь») у У. Арндта. Но вот Э. Тернер, желая, по-видимому, передать сильное деятельное начало пушкинского сравнения, распространил его: *like wild beast escaped from cage* — «подобно дикому зверю, сбегавшему из клетки». Интересно и убедительно, на наш взгляд, поступил Д. М. Томас, используя морфологическое средство — возвратное местоимение *herself*: в результате он, помимо непосредственного сравнения, передал и постоянное для пушкинской поэмы «оживление», олицетворение Невы.

Другое сравнение. В несобственно-прямой речи Евгения, потрясенного гибелью Параша, звучат слова:

... Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

В передаче этого сравнения примечательно использование так называемого перевода-интерпретации. Так, Ч. Джонстон сравнивает жизнь, непостоянную и изменчивую, с водой и дымом (*fickle as water, our life is as dreamlike as smoke*), У. Арндт — с призраком (*all life, a wraith and no more worth, but Heaven's mockery at Earth*), Э. Тернер — с пустой мечтой, игрушкой судьбы-шалуньи (*Or is our life an empty dream, The toy and sport of jesting fate?*). Рискую высказать предположение, что переводчики, «испугавшись» банальности сравнения, столь естественной для мелкого чиновника, захотели усложнить, украсить его...

В отличие от сравнения, метафора обладает семантической двуплановостью. Поэтическая речь Пушкина глубоко метафорична, ее ассоциативные связи сложно и, вероятно, невозможно передать адекватно. Тем более интересно посмотреть, как переводчики справились со знаменитым фрагментом:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Существительное «бездна» — двойная метафора. Как отмечают авторы «Поэтической фразеологии А. С. Пушкина» А. Д. Григорьева и Н. Н. Иванова, слово *бездна* имеет два значения, и оба учитываются А. Пушкиным: во-первых, «море», во-вторых, «пропасть». Как же смогли передать эту двойственность переводчики? У Д. М. Томаса и Ю. Кайдена это «пропасть» (*precipice*); у О. Элтона — «пустота» (*void*); у У. Арндта — «бездна» (*chasm*). Все варианты — слова иноязычного происхождения: *precipice*, *void* — латинизмы, а *chasm* — слово греческое; именно они, по мнению переводчиков, воплощают патетику пушкинского обращения.

Еще один пример. К утру Нева отступает, и первый луч солнца «...не нашел уже следов / Беды вчерашней; багряницей / Уже прикрыто было зло». Словарь Академии Российской дает следующие две дефиниции метафоре *багряница*: 1. ткань багряной окраски; 2. верхняя одежда владетельных особ².

Современные словари конкретизируют значение, определяя багряницу как «одежду багряного цвета (царей в древности как знак верховной власти)», отмечая данное слово пометой *поэтическое, устаревшее*³.

Большинство переводчиков употребили слово *purple*, романтически рисуя картину солнечного утра. Таков и перевод У. Арндта:

*The purple cloak of pity
Already covered recent harm
And all returned to former calm.*

Но, чувствуя несоответствие, У. Арндт счел необходимым сделать сноско-разъяснение, высказывая предположение, что А. Пушкин хотел не просто «окрасить» рассветное утро, но уподобить милость природы монаршей милости. Нам, однако, хотелось бы напомнить, что в багряницу одели Иисуса Христа, ведомого на Голгофу... Метафорический образ А. Пушкина, следовательно, может пониматься и как начало крестного пути Евгения...

В случае с другой метафорой — «в Европу прорубить окно» — необходимо было также искать вариант перевода.

О. Элтон и Д. М. Томас передали его словосочетанием-окказионализмом *to cut a window through to Europe*. При этом оказался «изобретенным» О. Элтоном (Д. М. Томасом повторен) новый фразовый глагол *to cut through*. У. Арндт использовал глагол с интенсивным компонентом значения — *to break*: *break a window to the West*. Этот глагол — среди множества его значений — имеет значение «проникать куда-либо с трудом, преодолевая сопротивление». Но ведь и русское *прорубить* тоже фиксирует действие, требующее усилий.

А вот перевод Ю. Кайдена *to open the window to the West* неудовлетворителен, так как в нем потеряна интенсивность и напряженность глагола *прорубить*.

Глубоко метафоричны и эпитеты А. Пушкина, многие из них точно, образно, лаконично переведены на английский язык. Так, найден полный эквивалент метафорическому эпитету *железная* («уздой железной Россию поднял на дыбы») — *iron*, прилагательное, используемое и в английском языке не только в прямом («сделанный из определенного металла»), но и в переносном («сильный», «крепкий», «жестокий») значениях.

Выразительные эпитеты имеют место и в многочисленных пушкинских перифразах с их неизменно-оценочным характером. Вот перифразы, содержащие характеристику-оценку Петра Первого: *кумир на бронзовом коне, мощный властелин судьбы, державец полумира, горделивый истукан*. Так, перифраз-обращение *О мощный властелин судьбы* был адекватно переведен Д. М. Томасом: *O mighty master of fate!* Частичный эквивалент встречаем у У. Арндта: *Oh, Destiny's great potentate* — удачно найдено слово *potentate* — «властелин», но потеряна экспрессивность эпитета *мощный* — *great* — «великий, сильный». Трансформационный перевод встречается у Ч. Джонстона, О. Элтона и Ю. Кайдена. Так, Петр в интерпретации О. Элтона — «повелитель тьмы и властелин» (*lord of doom and potentate*), у Ч. Джонстона — «исполнительный кумир» (*O giant idol*), у Ю. Кайдена — «царь силы и судьбы» (*Tsar of might and destiny*). В последних трех переводах имеет место и несвойственная пушкинскому перифразу (шире — Пушкину-поэту) многословность.

А вот, к примеру, перифраз *горделивый истукан*. Прилагательное *горделивый* не имеет отрицательного смысла, скорее наоборот: «исполненный гордости, сознания своей важности, превосходства»⁴. Однако соединенное с экспрессивом *истукан* словосочетание приобретает значение резко отрицательной оценки. Отметим к тому же, что слово *истукан* Пушкин смело взял из простонародного языка, ибо использовал второе значение, бранное — «бессердечный, тупой человек»⁵.

Переводчики по-разному интерпретировали данный перифраз. Так, для Д. М. Томаса — это всего лишь «статуя» (*the statue*); в переводе Ч. Джонстона — это «сокрушительный монумент» (*the overpowering Image*) — достаточно далеко от оценки Пушкина. Наконец, Э. Тернер не захотел (а может быть, не смог) понять экспрессив таким образом: *Great Russia's giant Tsar* — таков его перевод. Только О. Элтон, а за ним У. Арндт решились на передачу перифраза Пушкина с его оценочным значением: «надменный монумент» (*the Haughty Image*).

Не забудем, наконец, что «Медный всадник» — это тоже перифраз. Вынесенный Пушкиным в название поэмы, этот перифраз с метатезой элементов дважды встречается в тексте в сцене преследования — *Всадник Медный*.

В переводе перифраза опять-таки встречаются красноречивые расхождения. Идеализирующий русского царя Э. Тернер называет Петра «кавалером», а поэму — «The Bronze Cavalier». Ч. Джонстон, желая подчеркнуть деятельное начало в Петре — царе и в Петре — герое поэмы использует отглагольное существительное *rider*. Название поэмы поэтому — «The Bronze Rider». Адекватный перевод перифраза Пушкина дают О. Элтон, Ю. Кайден, У. Арндт, Д. М. Томас: «The Bronze Horseman».

Сделаем некоторые выводы. Экспрессивы с образным компонентом значения (тропы) чрезвычайно значимы для переводчика: именно здесь в них наиболее явственно представляется сплав мощной индивидуальности А. С. Пушкина с национальной историей, культурными традициями, языком.

Стремясь к адекватности в передаче тропов, переводчики, как правило, добросовестно и упорно ищут лексические соответствия. Лучшие из них (а таковыми мы считаем переводы У. Арндта и Д. М. Томаса) исходят при этом из понимания, что речь А. С. Пушкина представляет собой взаимодействие двух стихий — литературно-книжной и разговорно-бытовой. Справедливо поэтому использование латинизмов *precipice*, *void* в передаче пушкинской метафоры «над самой бездной», логично предпочтение латинизма *potentate* словам *statue*, *image* в переводе пушкинского перифраза «О мощный властелин судьбы». Однако перифразы с использованием просторечия не удались ни одному переводчику. Знаменитое «пред горделивым истуканом» осталось непередавленным.

Нельзя не отметить и другого. Глубоко метафоричную поэтическую речь Пушкина отличает «благородная простота», точность и лаконизм, когда, по словам Л. Толстого, «ни одного слова нельзя ни отнять, ни прибавить». Встречаясь с безэквивалентной лексикой и фразеологией, нагруженной внутритекстовой многозначностью (*багряница*, *прорубить окно*, *властелин*, *истукан*), переводчики прибегают к многословному описательству, что искажает и утяжеляет стиль А. С. Пушкина. Каким бы неимоверно сложным ни был труд переводчика поэтических произведений А.С.Пушкина, отрадно, что бесконечный поиск единственно нужного слова продолжается.

¹ Здесь и далее стихи цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М., 1963. Т. 4.

² *Словарь Академии Российской при Императорской Академии Наук*: В 6 ч. Ч.1. 1806. С.79.

³ См.: *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. Т. 1. М., 1935. С. 76.

⁴ См.: *Словарь русского языка*: В 4 т. Т. 1. М., 1981. С. 332.

⁵ См.: Там же.

ПЕРЕВОДЫ

Pushkin A. The Bronze Horseman / Translated from the Russian by Edward Turner (Э. Тернер). L., 1899.

Pushkin A. The Bronze Horseman / Translated from the Russian by Oliver Elton (О. Элтон) // *A Treasure of Russian Life and Humor*. N.Y., 1943.

Pushkin A. The Bronze Horseman / Translated from the Russian by Eugene Kayden (Ю. Кайден). University of Colorado, 1971.

Pushkin A. The Bronze Horseman / Translated from the Russian by Walter Arndt (У. Арндт) // *Arndt W.* Pushkin Three-fold Narrative. Lyric. Polemic. Ribald Verse. N.Y., 1972.

Pushkin A. The Bronze Horseman / Translated from the Russian by Charles Johnston (Ч. Джонстон) // Johnston Ch. *Talk about the Last Poet*. L., 1981.

Pushkin A. The Bronze Horseman/ Translated from the Russian by D. M. Thomas (Д.М. Томас) // *Selected Poems of Alexander Pushkin*. N.Y., 1982.